

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-4-684-696

EDN: HJPFPU

Научная статья / Research article

Пространственный подход в изучении региональной безопасности Центральной Азии

С.А. Притчин

ИМЭМО РАН, Москва, Российская Федерация

✉ pritchin.stanislav@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты апробирования использования пространственного подхода в изучении процесса становления и эволюции страновой и региональной систем безопасности в Центральной Азии. Введено понятие плотности оборонного политического пространства для оценки качества и надежности нормативной и практической системы безопасности и глубины вовлечения внешних игроков в ее создание. Актуальность проблемы оценки важности вклада того или иного игрока в формирование региональной системы безопасности обусловлено тем, что Центральная Азия переживает новый этап конкуренции крупных игроков за влияние, и практически в пакете проектов, предлагаемых внешними игроками, существуют инициативы по оборонному сотрудничеству и взаимодействию в сфере военнотехнического сотрудничества. Поскольку с момента обретения независимости государств региона в 1991 г. основным гарантом их безопасности выступала Российская Федерация, в современных условиях возникает запрос на оценку, как инициативы и проекты Китайской Народной Республики (КНР), США, Турции и других крупных акторов влияют на общее оборонное политическое пространство России и Центральной Азии. Проведен анализ существовавшей архитектуры безопасности в регионе на момент распада СССР, риски и вызовы, стоявшие перед странами в период независимости, а также инициативы и механизмы обеспечения безопасности как самими странами региона, так и внешними игроками с использованием пространственного метода. Основным выводом исследования является утверждение, что апробирование странами региона сбалансированной и диверсифицированной внешнеполитической оборонной модели после ряда кризисов в конечном итоге подтолкнуло их к формированию закрытой модели региональной безопасности с опорой на гарантии безопасности со стороны РФ и значительной политической поддержки со стороны КНР. Западным странам не удалось закрепить за собой статус партнера в сфере безопасности для стран Центральной Азии, за исключением точечных сфер сотрудничества.

Ключевые слова: многовекторность, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, безопасность, внешняя политика

Сведения о финансировании. Исследование подготовлено при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

© Притчин С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пritchins С.А. Пространственный подход в изучении региональной безопасности Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 4. С. 684–696. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-684-696>

Spatial Approach to Studying Regional Security in Central Asia

Stanislav A. Pritchins

IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ pritchins.stanislav@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study that employed a spatial approach to examine the formation and evolution of national and regional security systems in Central Asia. The study introduces the concept of the density of the defense policy space as an assessment of the quality and reliability of the regulatory and practical security system and the depth of involvement of external players in its formation. The relevance of assessing the contribution of each player in establishing a regional security system lies in the fact that Central Asia is undergoing a new stage of competition between major players for influence. The proposed package of projects by external players includes initiatives for defense cooperation and interaction in the field of military-technical cooperation. Since gaining independence in 1991, the regional states have relied on the Russian Federation to guarantee their security. In the current climate, it is important to assess the impact of the initiatives and projects of major actors such as the People's Republic of China (PRC), the United States, Türkiye and other major actors on the Russian-Central Asian common defense policy space. The article analyzes the region's existing security architecture at the time of the collapse of the USSR, the risks and challenges faced by the countries during the period of independence, as well as the initiatives and mechanisms employed by regional countries and external actors to ensure security, using a spatial approach. The study's main conclusion asserts that, after a series of crises, countries in the region ultimately formed a closed model of regional security based on security guarantees from the Russian Federation and significant political support from the PRC, having tested a balanced and diversified foreign policy defense model. Western countries have failed to secure the status of a security partner for Central Asian countries, with the exception of specific areas of cooperation in educational, peacekeeping, and biological programs.

Key words: multi-vectorness, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, security, foreign policy

Funding sources. This study was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order."

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Pritchins, S.A. (2025). Spatial approach to studying regional security in Central Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(4), 684–696. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-4-684-696>

Введение

Сразу же после обретения независимости странами Центральной Азии в 1991 г. в связи с распадом СССР молодые государства региона столкнулись с комплексом вызовов и рисков для своей внутренней и внешней безопасности. В Афганистане бушевала гражданская война,

что создавало серьезнейшую угрозу для всего региона, так как три страны — Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — имели протяженную границу с находящимся в кризисе государством (1374, 804 и 144 км соответственно). Более того, на севере Афганистана проживают этнически близкие населению центральноазиатских республик группы, что

создавало возможности для экспорта радикальных исламистских идей в регионе. В результате борьба с радикальными течениями исламизма и терроризмом стала одним из вызовов для молодых государств, выстраивавших светскую по характеру власть с обществом, в котором росла популярность ислама. Конфликт в вопросе выбора светского или исламского пути привел к гражданской войне в Таджикистане.

Другим острым вопросом для региона был пограничный, так как размежевание границ в рамках СССР в первой половине XX в. проводилось для повышения управляемости региона в рамках единого государства. Это создало целый комплекс проблем и конфликтных точек после обретения независимости странами Центральной Азии. Все эти непростые вызовы для молодых государств требовали комплексного подхода по формированию своей собственной оборонной системы, а также выстраиванию системы отношений с соседями и крупными игроками в рамках создания устойчивой системы региональной безопасности в Центральной Азии.

Логичным и естественным партнером для стран региона в вопросах безопасности стала Российская Федерация, так как в советское время региональная архитектура безопасности изначально формировалась с учетом наличия центра в Москве, и эта тенденция особенно усилилась в период присутствия Ограниченного контингента советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг. Неудивительно, что уже в 1992 г. был подписан Договор о коллективной безопасности, который во многом обеспечивал гарантии безопасности в формате сотрудничества внутри постсоветского пространства с опорой на лидерство РФ¹. Исключением во многом стал Туркменистан, который выбрал изоляционистскую модель внешней и оборонной политики, которая официально была

признана ООН нейтралитетом (Мирзеханов, Тюльпаков, 2018).

Помимо внутрирегиональной модели обеспечения безопасности страны Центральной Азии в рамках своей многовекторной внешней политики начали диверсифицировать свои подходы к обеспечению безопасности за счет вовлечения в программы сотрудничества с США и Организацией Североатлантического договора (НАТО) (Прохоренко, 2024), в первую очередь в программу «Партнерство во имя мира»². В конечном итоге это взаимодействие в рамках антитеррористической операции в Афганистане привело к размещению в регионе военных объектов западных стран и вовлечению региональных игроков в полноценное военное сотрудничество с западными странами (Старр, 2005).

Со временем из-за потери динамики операции в Афганистане и размытости ее конечной цели США и их союзники стали постепенно терять свои позиции в регионе. Сначала после андижанских событий 2005 г. западная коалиция была вынуждена покинуть Узбекистан, а затем к 2014 г. была закрыта и последняя военная база США в киргизском аэропорту «Манас» (Притчин, 2022а). Неожиданный и спешный вывод американских войск из Афганистана заметно ослабил позиции США как возможного гаранта безопасности стран региона. В условиях последовавшей дестабилизации ситуации в Афганистане именно Россия выступила ключевым гарантом безопасности для стран Центральной Азии, проведя ряд учений с Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией, а также обеспечив поставки новых образцов вооружения в Таджикистан. Кризис в Казахстане в январе 2022 г. также показал, что никто из внешних игроков, кроме России и партнеров по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), не готов в спешном порядке выступить в качестве стабилизатора и способствовать нормализации

¹ От Договора до Организации // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/25years/> (дата обращения: 11.02.2025).

² Partnership for Peace Programme // NATO. June 28, 2024. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/partnership-for-peace-programme?selectedLocale=> (accessed: 11.02.2025).

ситуации в странах региона. Украинский конфликт ставит новые вызовы для подходов центральноазиатских государств к обеспечению безопасности (Давыдов, 2022b).

Основной исследовательский вопрос статьи заключается в том, как эволюционировали подходы пяти центральноазиатских государств к обеспечению национальной и региональной безопасности в условиях становления их государственности, трансформации международной ситуации в мире и в регионе. Хронологические рамки исследования — 1991–2024 гг.

Гипотеза исследования состоит в том, что страны Центральной Азии с момента обретения независимости до сегодняшнего дня не сумели выстроить достаточно эффективную и устойчивую систему собственной и региональной безопасности и во многом полагаются на гарантии внешних игроков, в первую очередь РФ. При этом консервативная оборонная российская стратегия, сфокусированная на сохранении существовавших на момент распада СССР форматов обеспечения безопасности в регионе, вкупе с проактивностью и готовностью брать на себя обязательства и предпринимать реальные шаги по обеспечению безопасности и стабильности стран региона позволили Москве сохранить статус основного гаранта безопасности стран Центральной Азии.

В качестве методологической базы исследования разработанная учеными Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН выступает теория политического пространства, которая будет применена к оценке безопасности и обороноспособности.

Концепт политического пространства рассматривался в рамках различных политологических школ и по-разному определялся (Прохоренко, 2015, с. 26). Основоположник российской школы изучения политического пространства Н.А. Косолапов уравнивает его с территорией, которая в свою очередь является «сферой непосредственного обитания и жизнедеятельности человека» (Косолапов, 2005а). При этом важны

не только физико-географические характеристики территории: определяющим фактором территории, позволяющим рассматривать ее как политическое пространство, является ее организация. Отмечается, что процесс организации территории может длиться долгое время, предполагает несколько важных этапов — от физического захвата, хозяйственного освоения до формирования политико-правовой, технологической, информационной и других надстроек. При их формировании предлагается рассматривать пространство как «виртуальную конструкцию, создаваемую в целях построения некоей концепции, теории, — ради организации представлений, на основе и при помощи которых могут выстраиваться и воспроизводиться социальная практика и/или ее часть» (Косолапов, 2005b, с. 6).

Исходя из изложенной выше концепции рассмотрения пространства как организованной надстройки на конкретной территории, предлагается рассматривать современную политику как самостоятельное пространство. При этом можно выделить пространство внутренней политики как надстройку политических отношений на отдельно взятой территории, ограниченной государственными границами, так и международные отношения, которые включают надстройку суммы межгосударственных отношений в глобальном масштабе. В рамках общего политического пространства можно выделить отдельные пространства, касающиеся определенных сфер отношений, в частности безопасности, на чем и сфокусировано данное исследование, экономических отношений, правовое пространство и др., выступающие в роли искусственно создаваемой конструкции и предназначенные для лучшей организации внутригосударственных и/или международных отношений (Косолапов, 2005b, с. 6).

В процессе развития государств проявляется их дифференциация. Одни страны показывают более сложную и плотную пространственную структуру, состоящую из важных уже отмеченных пространств (степень развития политико-правовой системы,

технологической, социальной, информационной), другие менее эффективны в развитии своей организации и устойчивости. С формированием общей системы и практики международных отношений государства становятся самостоятельным пространством человеческой жизнедеятельности.

Особым явлением международных отношений является глобализация, в рамках которой происходит определенное размытие четкой увязки территории страны и ее надстроек в виде политического и экономического пространств, так как глобализация проявляется в создании глобального экономического пространства с доминированием интересов наднациональных политических и экономических акторов. С целью размытия используются различные инструменты в виде отдельно взятых пространств, например финансового пространства, основанного на доминировании доллара США, или международного-нормативного, в рамках которого господствует Всемирная торговая организация (ВТО) (Косолапов, 2005b, с. 10).

Объединение государств в союзы по примеру ЕС или дезинтеграция по примеру распада СССР создают новую конфигурацию политических и экономических пространств, а также особые надстройки межгосударственных отношений (Косолапов, 2005b, с. 6). В этом контексте будут более детально рассмотрены постсоветские страны, а именно государства Центральной Азии.

До 1991 г. этот регион в течение почти полутора веков находился в составе Российской империи, затем Советского Союза, вместе со всеми другими частями большой страны переживая серьезные трансформации: смену политико-социального строя, модернизацию, индустриализацию, усложнение и насыщение политических, экономических, социальных, технологических и других надстроек. В 1991 г. сначала произошло территориальное размежевание³, которое,

однако, не привело к автоматическому разделу политических и социальных надстроек и пространств. Так, например, страны региона почти до середины 1990-х гг. оставались в едином валютном пространстве с центром в Москве, так как продолжали использовать российский рубль в качестве национальной валюты. Схожие наднациональные надстройки сохранялись в миграционной сфере, что было связано с сохранением общего безвизового пространства (за редким исключением). Поэтому создание автономных от РФ пространств и надстроек в странах региона шло постепенно, а по некоторым вопросам наблюдался обратный процесс. Так, в рамках евразийской интеграции в процессе создания Евразийского экономического союза происходило формирование общего интеграционного экономического пространства со свободой передвижения товаров, людей, услуг и финансов с участием трех стран Центральной Азии — Казахстана и Киргизии как членов организации, Узбекистана — как страны-наблюдателя.

В контексте проблематики данного исследования основной фокус в использовании пространственного подхода обращен к надстройке безопасности и складыванию региональной оборонной системы. Если анализировать процесс формирования пространств безопасности отдельных стран Центральной Азии после обретения независимости и региона в целом, то получается достаточно сложная многомерная конструкция, включающая в себя такие элементы, как:

- автономные, независимые пространства в виде национальных вооруженных сил, пограничных войск, специальных служб и др.;
- точечные вкрапления в национальное оборонное пространство в виде военных объектов внешних игроков (военные объекты РФ в Таджикистане и Киргизии, нахождение российских пограничников на таджикско-афганской и туркменско-афганской границе до 2000 г., временное нахождение военных

³ Территориальное размежевание между странами региона продолжается до сих пор, так как процесс делимитации и демаркации границ между центральноазиатскими республиками еще не завершен.

объектов западной антитеррористической коалиции в Афганистане, неформальные китайские объекты в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан);

– наднациональное пространство безопасности, представленное ОДКБ с ее глубоко структурированной системой региональной безопасности стран-участниц, нормативно-правовыми аспектами функционирования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Содружества Независимых Государств (СНГ), элементами взаимодействия НАТО и стран Центральной Азии⁴, а также отдельными элементами безопасности, такими как единая система противовоздушной обороны (ПВО) России с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном;

– фрагментарные наднациональные оборонные пространства в виде двусторонних соглашений между странами Центральной Азии или с участием внешних игроков, например двусторонние соглашения между Казахстаном и Узбекистаном⁵ или Россией и Узбекистаном⁶.

На первый взгляд может показаться, что пространство системы безопасности стран Центральной Азии очень пестрое, комплексное и многокомпонентное. В рамках существующих методологических инструментов представляется достаточно сложной задачей аргументированно доказать важность каждой из настроек и ранжировать пространства по их значимости. Для оценки весомости надстройки пространства безопасности в регионе предлагается ввести понятие *плотности пространства безопасности*, а в качестве методологической основы оценки плотности в межгосударственных отношениях — использовать следующие четыре критерия:

1) глубина системы обязательств, иными словами — уровень и глубина закреплённых

межгосударственными соглашениями гарантий взаимной безопасности;

2) проработанность нормативно-правовой базы сотрудничества, ширина и детализированность сферы сотрудничества в области безопасности;

3) степень совпадения/несовпадения национальных интересов стран Центральной Азии и участвующих в формировании системы безопасности внешних игроков;

4) практические шаги и реальные действия по обеспечению безопасности в рамках существующих правовых и политических практик, для оценки которых необходим анализ существующих механизмов обеспечения безопасности, а также прецедентов их использования.

В рамках данного исследования апробирован метод оценки плотности политического пространства безопасности в Центральной Азии и основных внешнеполитических партнеров стран региона: РФ (в том числе в формате ОДКБ), США (включая формат НАТО), КНР и Турции, а также рассмотрены региональные инициативы по обеспечению безопасности. По каждому из направлений проведён анализ по четырём выделённым выше критериям, позволяющим оценить плотность пространства безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

Риски и вызовы безопасности для Центральной Азии

С момента обретения независимости перед государствами Центральной Азии встал целый комплекс задач и вызовов в сфере безопасности. С одной стороны, становление независимости и субъектности любого государства невозможно без формирования своей собственной системы

⁴ Partnership for Peace Programme // NATO. June 28, 2024. URL: <https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/partnership-for-peace-programme?selectedLocale=> (accessed: 11.02.2025).

⁵ Договор между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан о союзнических отношениях // GOV. KZ. 18.06.2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/article/details/171373?ysclid=m60o73jl8t559646164> (дата обращения: 21.02.2025).

⁶ Договор о союзнических отношениях между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Президент России. 14.11.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4709> (дата обращения: 02.02.2025).

безопасности — формирования вооруженных сил, организации охраны границы. Как мы увидим далее, республики региона использовали оборонную инфраструктуру, доставшуюся от общего пространства безопасности, созданного в советское время. Особенно это касается внешних контуров безопасности — внешних границ с Афганистаном, Китаем и Ираном. При этом именно афганская граница представляла собой самый сложный из внешних вызовов для национальной и региональной безопасности, так как помимо прямой военной угрозы существовал риск экспорта радикальных исламистских течений и террористической активности (Малышева, 2014). Очередное обострение, связанное с рисками дестабилизации со стороны Афганистана, произошло в 2021 г. в результате неожиданного и экстренного вывода американского контингента из страны (Малышева, 2022).

Межгосударственные конфликты и напряженность в отношениях стали неотъемлемой частью политического пространства безопасности в Центральной Азии и вызовом для многих региональных игроков. При этом причины подобной напряженности были разные — от личной неприязни руководителей (отношения президентов Республики Таджикистан Э. Рахмона и Республики Узбекистан И. Каримова или глав Республики Казахстан Н. А. Назарбаева и Киргизской Республики А. Атамбаева), противоречий из-за вопросов водопользования общими реками и заканчивая пограничными конфликтами. Самый острый из межгосударственных конфликтов — пограничный спор между Киргизией и Таджикистаном — привел к нескольким серьезным эскалациям с применением вооруженных сил двух стран⁷.

Комплекс внутренних кризисов на разных этапах становления независимости стран Центральной Азии также стал

серьезным вызовом для стабильности политического пространства. Самым трагичным из них стала гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг. (Муртазин, 2018). В 2005 г. радикальные группировки организовали в узбекском городе Андижане вооруженные протестные выступления, которые были жестко подавлены властями республики. Также в июле 2022 г. в Каракалпакстане имели место серьезные протесты в связи с планами Ташкента лишить автономную республику ряда конституционных привилегий (Фефелов, Тимошенко, 2023). Киргизия трижды сталкивалась с неконституционной сменой власти в 2005, 2010 и 2020 гг. (Притчин, 2021). В 2010 г. произошли трагические события в г. Оше (Киргизия) из-за этнического конфликта в Ферганской долине республики⁸. Казахстан также пережил несколько серьезных кризисов, один из которых привел к серьезной дестабилизации ситуации в республике в январе 2022 г. (Притчин, 2022b).

Таким образом, мы можем выделить три категории вызовов пространству безопасности в Центральной Азии:

- внешние угрозы региональной безопасности;
- межгосударственные конфликты и противостояния;
- комплекс внутренних вызовов: риски внутривнутриполитической дестабилизации, угроза неконституционной смены власти, межэтнические конфликты, сепаратистские и сепарационные процессы и др.

Исходя из типологии существующих рисков для стран Центральной Азии, анализ вовлеченности внешних игроков на предмет формирования политических надстроек безопасности в регионе будет происходить из возможностей внешних игроков содействовать купированию существующих вызовов.

⁷ Притчин С. Кыргызстан и Таджикистан: дружить нельзя конфликтовать // Российский совет по международным делам. 30.09.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-i-tadzhikistan-druzhit-nelzya-konfliktovat/> (дата обращения: 21.02.2025).

⁸ Межнациональные столкновения на юге Киргизии в 2010 г. Досье // ТАСС. 10.06.2015. URL: <https://tass.ru/info/2033902?ysclid=m66a7gkpx8144529294> (дата обращения: 21.02.2025).

Пространство безопасности России и стран Центральной Азии: механизмы и инструменты урегулирования вопросов безопасности в регионе с участием России

С учетом сложившийся к моменту обретения независимости республиками Центральной Азии архитектуры безопасности Россия даже без новых соглашений сохраняла за собой курирование системы региональной безопасности. В условиях сложной обстановки в Афганистане Россия сохранила свою ответственность за оборону внешней южной границы региона, отвечая за безопасность границ Киргизии и Туркменистана до 1999 г. и границ Таджикистана до 2005 г.⁹ Таким образом, за исключением узбекского участка первые 10–15 лет независимости пограничные войска РФ фактически отвечали за внешнюю безопасность границ Центральной Азии, что было предусмотрено двусторонними соглашениями.

Если оценивать уровень обязательств в рамках военного и оборонного сотрудничества между РФ и странами региона, то здесь необходимо учитывать как многосторонние договоренности в рамках ОДКБ, так и обязательства по двусторонним соглашениям (Кривопапов, 2021).

В рамках Организации Договора о коллективной безопасности, в которую входят Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан (Узбекистан приостановил свое членство в 2021 г.), самым важным элементом соглашения, является ст. 4: «Если одно из государств — участников подвергнется агрессии (вооруженному нападению, угрожающему

безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету), то это будет рассматриваться государствами — участниками как агрессия (вооруженное нападение, угрожающее безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на все государства»¹⁰. Более того, ОДКБ к настоящему времени эволюционировала в полноценную оборонную организацию с постоянно действующими институтами и военным резервом на случай появления внешних и внутренних угроз¹¹. В рамках обеспечения обязательств по Договору о коллективной безопасности РФ располагает в регионе рядом военных объектов, среди крупнейших можно выделить 201-ю военную базу в Таджикистане и авиабазу в киргизском городе Кант¹².

Уровень взаимных обязательств между РФ и Узбекистаном, не входящим в ОДКБ, также имеет статус союзнических, а согласно ст. 4 Договора о стратегическом пространстве между РФ и Республикой Узбекистан, в случае возникновения угроз безопасности, одной из сторон «запускается механизм консультаций для согласования позиций и координации практических мер по урегулированию такой ситуации»¹³.

Помимо этого, важно отметить создание единой системы ПВО России с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, что является частью процесса формирования единого пространства безопасности неба над большей частью региона. Также важно упомянуть, что в плане оснащения вооруженных сил центральноазиатские государства в основном опираются на российское оружие, поставляемое на льготных условиях.

⁹ Как Россия охраняла границы соседних стран: история вопроса // Коммерсантъ. 21.10.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1044942?ysclid=m6g7w4hh58983522872> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁰ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://www.jscto.org/upload/iblock/273/2734e030c2747ee8b4f711b4e048875b.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).

¹¹ От Договора до Организации // Организация Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-jscto.org/25years/> (дата обращения: 11.02.2025).

¹² Российская военная инфраструктура в Центральной Азии // Коммерсантъ. 17.06.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3328655?ysclid=m6g8kf59xm185670551> (дата обращения: 21.02.2025).

¹³ Договор о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Президент России. 16.06.2004. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1945> (дата обращения: 21.02.2025).

Таким образом, у стран — участниц ОДКБ, а также Узбекистана сложились союзнические отношения с Россией, включающие обязательства по защите и взаимной обороне в случае возникновения угроз безопасности, что является проявлением наивысшего уровня плотности пространства безопасности. Соответственно нормативно-правовая база, прописывающая механизмы обеспечения безопасности, также максимально детализирована и предусматривает различные ситуации, на которые возможен совместный ответ.

Оценивая совпадение/расхождение подходов РФ и государств Центральной Азии к безопасности, можно констатировать, что в вопросе глобального обеспечения региональной безопасности интересы у стран максимально совпадают. России важно, чтобы регион был стабилен, надежно защищен от внешних угроз; этого же хотят и сами центральноазиатские страны. Расхождение можно наблюдать в обеспечении суверенитета стран региона в отношениях с РФ. Зависимость от Москвы во всех аспектах, включая оборонный, рассматривается в регионе как вызов, поэтому правительства государств Центральной Азии проводят многовекторную внешнюю политику, а также предпринимают попытки диверсифицировать оборонное пространство за счет формирования надстроек безопасности с другими крупными игроками (Притчин, 2023).

С точки зрения практических шагов по безопасности РФ содействовала безопасности стран практически во всех кризисных ситуациях, начиная с предотвращения прорыва исламистов из Афганистана¹⁴, а также действий по практическому ответу на вывод западной антитеррористической коалиции из этой страны в 2021 г.¹⁵, активного

содействия прекращению гражданской войны в Таджикистане (Каримова, 2009) и заканчивая поддержкой конституционного порядка в Казахстане во время массовых протестов в январе 2022 г. (Притчин, 2022b).

Кроме того, Россия на льготной, а иногда на безвозмездной основе поставляет вооружение и военную технику странам Центральной Азии, сохраняя лидерство в качестве их ключевого партнера в сфере военно-технического сотрудничества (ВТС)¹⁶.

Таким образом, проанализировав четыре критерия плотности оборонного политического пространства РФ и стран Центральной Азии, можно заключить, что по каждому из них присутствует высокая степень совпадения и взаимозависимости:

- обязательства в рамках ОДКБ и на двусторонней основе отражают высокий уровень союзнических отношений, и Россия фактически выступает в качестве гаранта безопасности региона;

- максимально проработана нормативно-правовая база взаимодействия в области безопасности — от вопросов совместного ответа на внешние вызовы до ВТС и содействия внутривнутриполитической стабильности государств региона;

- Россию и страны Центральной Азии характеризуют высокая степень совпадения национальных интересов, заключающаяся в стремлении обеспечивать внешнюю безопасность региона, содействовать внутривнутриполитической стабильности и безопасности. Единственное расхождение заключается в стремлении стран региона за счет взаимодействия с внешними игроками (в разной степени) обеспечить определенный уровень автономии и суверенитета в отношениях с РФ;

¹⁴ Завкасин А. Московская застава: как российские войска спасли Таджикистан от исламистов // RT. 08.03.2018. URL: <https://russian.rt.com/science/article/489814-tadzhikistan-rossiyskie-pogranichniki?ysclid=m6gacuuy86358881893> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁵ Россия, Таджикистан и Узбекистан провели масштабные военные учения // Рен-ТВ. 10.08.2021. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/867282-rossiia-tadzhikistan-i-uzbekistan-proveli-masshtabnye-voennye-ucheniia> (дата обращения 20.02.2025).

¹⁶ Россия подарила Таджикистану оружие на \$320 млн // РБК. 29.10.2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5db7dc3d9a7947b8ade2c93a?ysclid=mhql2tnjak677810970> (дата обращения: 20.02.2025).

– практические шаги и реальные действия России по обеспечению региональной безопасности носят исчерпывающий характер, по всем трем видам вызовов (внутренним, внешним и межгосударственным) ни один из кризисов в регионе не остался без прямого или косвенного участия Москвы.

Иными словами, плотность оборонного пространства России и стран Центральной Азии можно оценить как очень высокую, так как практически все требуемые условия общего оборонного пространства выполнены.

Подходы Китая, США и Турции к участию в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии

С точки зрения уровня военного и военно-технического сотрудничества в качестве крупных внешних игроков в регионе Центральной Азии мы можем выделить Китай, Турцию и США (вместе с союзниками по НАТО). Сразу следует оговориться, что ни с одной из пяти стран региона у этих трех акторов нет конкретных взаимных или односторонних обязательств в рамках обеспечения безопасности.

Оценивая нормативно-правовую базу как элемент политического оборонного пространства, важно отметить существующие двусторонние соглашения между странами региона и США, Китаем и Турцией (Свистунова, 2024). Сотрудничество по вопросам безопасности присутствует либо в рамках отдельных соглашений, либо как часть общих стратегических деклараций. При этом важно учитывать, что ни с одним из трех крупных внешних игроков отношения не носят союзнического характера по вопросам обеспечения безопасности; прописаны лишь отдельные элементы взаимодействия, например, развитие приграничного сотрудничества с Китаем (Ионова, 2013), развитие ВТС с КНР (Юйфэй, 2023) и Турцией (Свистунова, 2023). Таким образом, правовое политическое пространство носит фрагментарный характер и не предполагает наличие серьезных инструментов обеспечения безопасности.

Что касается совпадения/несовпадения национальных интересов, то в силу географической близости у стран Центральной Азии и Китая наблюдаются схожие подходы и взгляды на региональную безопасность и стабильность, за исключением, пожалуй, таких элементов, как, например, положение мусульманских этнических меньшинств в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) КНР.

У Турции (Вернигора, 2023) и США в силу их удаленности от региона теоретически должно отсутствовать пересечение интересов с центральноазиатскими государствами в сфере безопасности, но парадоксальным образом сотрудничество с внерегиональными игроками важно для центральноазиатских республик в рамках создания определенного противовеса мощным соседям, в первую очередь России и в меньшей степени — Китаю.

Для Вашингтона тесное взаимодействие с центральноазиатскими странами в оборонной сфере очень желаемо, так как создает возможности для давления на геополитических конкурентов — Москву и Пекин. На первый взгляд интересы США и государств региона совпадают, но реализация этой американской стратегии, как правило, всегда негативно влияла на безопасность центральноазиатских республик (Войтоловский, 2021). Так, размещение военных объектов в Центральной Азии в рамках антитеррористической операции в Афганистане не способствовало повышению безопасности региона, более того, неожиданный уход американцев из региона создал комплекс вызовов безопасности (Давыдов, 2022а).

Если говорить о практических шагах или реальных действиях перечисленных стран по обеспечению региональной безопасности, то можно выделить следующие примеры.

Пожалуй, наиболее практически ориентированной является деятельность Китая, который, не имея прямых оборонных обязательств перед странами региона, тем не менее неформально помогает Таджикистану обеспечивать безопасность границы с Афганистаном в самом труднодоступном регионе республики — Горно-Бадахшанской автономной области.

Так, по данным западной прессы, КНР построила в Мургабском районе секретную военную базу для контроля за приграничной афганской территорией¹⁷. Также Китай стал основным поставщиком оборудования для систем «безопасного города» для крупнейших мегаполисов и столиц Центральной Азии (Титаренко, 2021). Помимо этого, Пекин точно поставляет различные образцы военной техники вооруженным силам республик, как правило, на льготной и грантовой основе, создавая предпосылки для будущего более тесного взаимодействия¹⁸. При этом на двусторонней основе страны не проводят совместных военных учений или тренировок.

Примерно схожая, но еще более ограниченная стратегия наблюдается у Турции. Анкара при любой кризисной ситуации заявляет о готовности выступить гарантом безопасности, модератором в случае конфликта (как это было во время киргизско-таджикского пограничного конфликта)¹⁹, но затем не осуществляет каких бы то ни было реальных практических шагов. При этом Турция также продвигает наработки своего военно-промышленного комплекса (ВПК), в первую очередь беспилотные технологии, поставляя пробные партии в ряд стран. Наибольшего прогресса Турции удалось достичь с Казахстаном, поскольку между сторонами была достигнута договоренность о производстве различных типов БПЛА по турецкой лицензии²⁰.

Таким образом, проанализировав все элементы оборонного пространства, мы можем констатировать, что наиболее плотное пространство у стран региона сформировалось с Китаем, но его плотность качественным

образом уступает структуре российско-центральноазиатского пространства безопасности, хотя и имеет позитивную динамику. США и Турция же имеют еще более ограниченное оборонное политическое пространство со странами региона с ограниченными перспективами улучшения его плотности.

Заключение

Результаты апробации метода пространственного подхода с анализом плотности политического оборонного пространства стран Центральной Азии и внешних крупных игроков позволяют наглядно оценить глубину, качество и надежность существующих на сегодняшний день систем взаимной безопасности. Подробный разбор элементов оборонного политического пространства показывает, насколько велико влияние и вовлечение РФ во все аспекты безопасности. Фактически за редким исключением у России со странами Центральной Азии сформировалось единое пространство безопасности с очень высокой плотностью. При этом, если рассматривать эволюцию плотности общего пространства России и стран Центральной Азии, можно отметить и серьезное ее снижение в 2001–2014 гг., в период военного присутствия США и их союзников в регионе, но затем происходит полное восстановление этого пространства.

В настоящее время с экономическим усилением Китая наблюдается осторожное, постепенное формирование пусть ограниченно-го, но системного оборонного пространства

¹⁷ Британские СМИ сообщают о секретной военной базе Китая в Таджикистане // Eurasia Daily. 11.07.2024. URL: <https://easaily.com/ru/news/2024/07/11/britanskie-smi-soobshchayut-o-sekretnoy-voennoy-baze-kitaya-v-tadzhikistane> (дата обращения: 26.02.2025).

¹⁸ Храмчихин А. А. Пекин прибирает к рукам страны Центральной Азии // Независимое военное обозрение. 26.01.2023. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2023-01-26/5_1222_asia.html?ysclid=mhqltlrka518609751 (дата обращения: 26.07.2025).

¹⁹ Турция готова поддержать урегулирование между Таджикистаном и Кыргызстаном // Report.Az. 01.05.2021. URL: <https://report.az/ru/v-regione/turciya-gotova-podderzhat-uregulirovanie-mezhdu-tadzhikistanom-i-kyrgyzstanom> (дата обращения: 02.07.2025).

²⁰ Производство турецких БПЛА «АНКА» будет организовано в Казахстане: Министерство промышленности и строительства Республики Казахстан // GOV.KZ. 11.05.2022. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mps/press/news/details/369527?lang=ru> (дата обращения: 02.02.2025).

между КНР и странами региона. Отдельные элементы оборонного пространства пытаются формировать Турция, в первую очередь за счет военно-технического сотрудничества. США пока не удается восстановить в полной мере элементы оборонного пространства,

существовавшие в период их присутствия в Афганистане вплоть до 2021 г., поэтому участие США в обеспечении региональной безопасности центральноазиатских республик ограничивается военно-политическими контактами.

Поступила в редакцию / Received: 01.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 05.05.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.09.2025

Список литературы

- Вернигора А.А.* Турецкие инвестиции в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 139–153. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-139-153>; EDN: NKXPOV
- Войтоловский Ф.Г.* Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 7. С. 616–626. <https://doi.org/10.31857/S0869587321070148>; EDN: NWGYOY
- Давыдов А.А.* О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. 2022b. № 4. С. 60–77. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-60-77>; EDN: SQWRIP
- Давыдов А.А.* Подход к анализу двусторонних отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2022a. Т. 66, № 9. С. 111–118. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-9-111-118>; EDN: GUOICD
- Ионова Е.П.* Центральная Азия и Китай: новый этап отношений // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 4. С. 99–105. EDN: PBNSXZ
- Каримова М.* Роль России в урегулировании межтаджикского конфликта и в развитии Таджикистана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 4. С. 92–97. EDN: JXKUWF
- Косолапов Н.А.* Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005a. № 6. С. 3–13. EDN: HSCJRL
- Косолапов Н.А.* Россия: территория в пространствах глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. 2005b. № 7. С. 3–14. EDN: HSTXMZ
- Кривопапов А.А.* ОДКБ на исходе второго десятилетия своей истории // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 126–134. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134>; EDN: TJUNHK
- Мальшиева Д.Б.* Афганистан и новая международная конфигурация в Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 4. С. 35–43. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-35-43>; EDN: SYHLUK
- Мальшиева Д.Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 1. С. 76–94. EDN: OIOQBV
- Мирзеханов В.С., Тюльпаков М.В.* Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2018. № 3. С. 19–28. EDN: YPVGSL
- Муртазин М.Ф.* Таджикистан: победа над исламизмом? // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 2. С. 109–129. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-2-109-129>; EDN: XVBRLJ
- Притчин С.А.* «Большая игра 2.0» в Центральной Азии на современном этапе // Мировая экономика и международные отношения. 2022a. Т. 66, № 6. С. 112–123. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-112-123>; EDN: PFTDIV
- Притчин С.А.* В зеркале транзитологии: особенности процессов смены власти в странах Центральной Азии и Южного Кавказа // Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 7–42. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-7-42>; EDN: UBIYMK
- Притчин С.А.* Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 12. С. 104–115. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115>; EDN: OMSWVP
- Притчин С.А.* Политический кризис в Казахстане // Россия и новые государства Евразии. 2022b. № 1. С. 56–67. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-56-67>; EDN: PNVFJF

- Прохоренко И. Л.* Политика партнерства НАТО: от военного альянса к сообществу безопасности и обратно // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 1. С. 141–162. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-1-141-162>; EDN: AMILCJ
- Прохоренко И. Л.* Пространственный подход в исследовании международных отношений. Москва : ИМЭМО РАН, 2015. EDN: VOEWUN
- Свистунова И. А.* Политика Турции по объединению тюркских стран: от культуры к экономике // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 11. С. 104–114. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-104-114>; EDN: BTZFMW
- Свистунова И. А.* Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 3. С. 45–54. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-45-54>; EDN: SLVUEN
- Старр Ф.* Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3, № 4. С. 72–87. EDN: XCENQB
- Титаренко А. М.* Китайский фактор в Таджикистане: перспективы и угрозы // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 3. С. 110–125. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2021-3-110-125>; EDN: UJGXZI
- Фефелов Д. В., Тимошенко Н. Р.* Протесты в Каракалпакстане как фактор региональной дестабилизации // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 189–201. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-2-189-201>; EDN: AZIXOW
- Юйфэй В.* Политика Китая в Центральной Азии: концептуальный контекст // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 95–110. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-95-110>; EDN: GSBSEU

Сведения об авторе:

Притчин Станислав Александрович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Центральной Азии, Центр постсоветских исследований, ИМЭМО РАН; Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; eLibrary SPIN-код: 2524-6932; ORCID: 0000-0001-9464-9836; e-mail: pritchin.stanislav@yandex.ru